
РЗ 6/302

БИБЛИОТЕЧКА РАБОЧЕГО

Л. ЕЛЬНИЦКИЙ

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ И ЕЕ РОЛЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

№ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРОЛЕТАРИЙ“

СПИСОК КНИГ ПО ЛЕНИНСКОЙ СЕРИИ

Автор	НАЗВАНИЕ	Цена	
		Руб.	К.
Ленин	Пролетариат и крестьянство. 2-е издание	—	75
„	Февральская революция 1917 г.	—	34
„	О продналоге. 2-е издание	—	16
„	Пролетариат и религия	—	35
„	Июльские дни	—	30
„	Империализм и раскол социализма	—	10
„	О Брестском мире	—	15
„	Об Украине	—	35
„	Крах 2-го Интернационала	—	9
„	Исторический путь большевизма	—	10
„	О государстве	1	35
„	О еврейском вопросе	—	40
„	Октябрьские дни	—	30
„	Восток и революция	—	8
„	Большевики должны взять власть	—	25
„	Задачи пролетариата в н/революции	—	8
„	Сельское хозяйство и коммунизм	—	15
„	Три источника и три составных части марксизма	—	30
„	Уроки революции	—	8
„	Октябрь	—	13
„	Коминтерн	1	50
„	Война и революция 1905 г.	1	50
„	Январьские дни 1905 г.	—	17
„	Шаг вперед, два назад	—	25
„	Этапы рабочего и професс. движ.	—	70
„	8-ое Марта	2	20
„	Парижская коммуна	—	18
Сталин	О Ленине и ленинизме	—	42
„	О Ленине. 3-е издание	—	8
„	План семинария по ленинизму. 3-е издание	—	8
„	Троцкизм или ленинизм	—	5
„	Исторические корни ленинизма	—	10
„	Диктатура пролетариата	—	5
„	Стратегия и тактика	—	7
„	Партия	—	10
„	Методы ленинизма	—	8
Зиновьев	Большевизм или троцкизм	—	5
Каменев	Ленинизм или троцкизм	—	15
„	Дело Ильича	—	20
Бухарин	Ленин как марксист. 2-е изд.	—	25
Квиринг	Ленин, заговорщичество, Октябрь	—	12
„	Ленин и крестьянство	—	15
„	В защиту ленинизма	—	35
„	Год без Ленина	—	10
Гопнер	Ильич	—	16
	Хрестоматия ленинизма (состав. под ред. Квиринга и Гопнер)	4	—
	Жизнь Ленина (альбом)	1	40

БИБЛИОТЕЧКА РАБОЧЕГО
ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ Б. И. ГОРЕВА

№ 12

Л. ЕЛЬНИЦКИЙ

ДИНАСТИЯ РОМАНОВЫХ

Триста лет на троне
Шел разбой открытый,
Триста лет в загоне
Жил народ забитый
(Александров)

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРОЛЕТАРИЙ“
1925

Напечатано в 1-й Гостиполит.
,,Крымполиграфтреста"в колич.
25.000 экземпляров. Зак. № 2227.
Крымлит № 905. Симферополь.

I. Воцарение дома Романовых

Появлению на царском престоле в России дома Романовых предшествовала эпоха, названная историками „смутным временем“. Русское государство, значительно разросшееся при последних Рюриковичах, переживало в это время переход к новым хозяйственным формам и к новым формам управления.

Рост населения страны, особенно в центральных губерниях, достиг того предела, когда первобытные способы земледелия не могут прокормить всех живущих. Поэтому, наряду с земледельческим промыслом, стало развиваться и расти крестьянское кустарное производство, рассчитанное не только на местный рынок, но и на торговлю по всей стране и даже за ее пределами.

Если и раньше торговля в России развивалась в городах, расположенных на удобных путях сообщения, то теперь класс торговых людей стал заметно увеличиваться повсюду, увеличивались обороты торговли, возрастал в стране торговый капитал, вырастали все новые и новые города.

Прежнее натуральное хозяйство медленно, но неуклонно должно было втягиваться в общую

систему обмена и испытывало на себе сильное влияние нового хозяйственного порядка.

Сильнее всего этот новый порядок должен был отразиться на крепостном крестьянском хозяйстве.

Если раньше при натуральном хозяйстве крепостной крестьянин должен был отдавать своему боярину столько продуктов своего труда, сколько требовалось, чтобы прокормить боярскую семью со всей дворней, то теперь при развитии обмена, при появлении денег эти требования значительно повысились. Теперь землевладельческий класс стремился выжать из своих крепостных возможно больше, оставляя им лишь самое необходимое.

Мало того, землевладельцы при новом порядке постарались добиться окончательного и прочного прикрепления крестьян к земле, так как каждая пара рабочих рук могла добыть для них лишнее количество прибавочного продукта.

Это стремление помещичьего класса прикрепить крестьян встретилось с стремлением власти упорядочить и упрочить финансовое хозяйство государства.

Прежняя вотчина князей дома Рюриковичей теперь стала могущественной державой, требовавшей для управления огромного штата чиновников и значительных расходов от казны. Постоянные переселения крестьян из одного поместья в другое сильно затрудняли сборы государственных налогов. Отмены этих переселений особенно настойчиво требовало мелкопоместное дворянство, которое несло военную службу для государства и как раз

перед началом „смутного времени“ государственная власть в лице царя Бориса Годунова пошла навстречу этим требованиям, прикрепив окончательно крестьян к помещичьей земле.

Если и раньше положение крестьянства на Руси было безотрадно, то теперь оно еще более ухудшилось. Единственным выходом из этого положения для крестьян было бегство от помещика. Оно широко практиковалось крестьянами и раньше, и вдоль южной границы Московского государства по Днепру, Дону и Яику постепенно вырастали огромные поселения беглых крестьян, которые уходили от помещичьей неволи и заселяли свободные земли.

Теперь же это бегство приняло особенно широкие размеры. Внутренние неурядицы при последних Рюриковичах и при Борисе Годунове также содействовали заселению беглым населением южных свободных окраин, где таким путем образовалось свободное казачество, которому суждено было принять видное участие в событиях „смутного времени“.

Положение же других классов в Московском государстве в это время было таково. На смену крупному боярству, игравшему при Рюриковичах преобладающую роль, выдвинулось мелкопоместное служилое дворянство, которое стало очень многочисленным, стремилось само к участию в управлении государством и враждовало с боярством.

Уже при Иване Грозном этому новому классу удалось приобрести значительное влияние, оттеснив

от царя прежних бояр, но последние не так легко соглашались отказаться от власти и неоднократно в течение „смутного времени“ пытались вернуть свое былое влияние.

Торговый класс также претендовал на участие в управлении государством, и его влияние перед смутой было довольно значительным. К нему же примыкало и довольно значительное ремесленное население городов Московского государства, зависевшее экономически от торгового класса.

Взаимоотношение этих групп населения между собой и противоречия их социальных интересов дали содержание событиям „смутного времени“, и они же обусловили ликвидацию смуты и избрание на Московский престол новой династии Романовых. Внешним поводом к развитию „смуты“ послужили перемены в царствующем доме; после смерти последнего из Рюриковичей на царский престол был избран Годунов, которому народная молва приписывала убийство царевича Димитрия; затем появился ряд лиц, выдававших себя за этого убитого царевича и претендовавших занять русский престол.

Внутренней же причиной „смуты“ было именно то нестроение Московского государства, о котором мы говорили выше.

Еще более оно осложнилось сильным голодом, который в течение трех лет подряд поразил большую часть государства при Годунове.

Страна была совершенно разорена, представляла

собой груду развалин, на которых царили голод, нищета и угнетение.

Доведенные голодом до полного отчаяния народные массы готовы были поддерживать всякого, кто обещал им избавление.

Таким лицом оказался сперва Лжедимитрий I, который пользовался содействием поляков, но смог занять Московский престол только при активной поддержке поднявшегося крестьянства и казачества.

Сперва его же поддержали и бояре, но должны были разочароваться в своих ожиданиях, так как новый царь не склонен был разделять с ними власть.

Тогда то же самое боярство приняло участие в свержении Лжедимитрия, а само поспешило занять освободившийся престол, возведя на него Василия Шуйского.

Но Шуйский, будучи ставленником бояр, не мог найти поддержку ни у служилого дворянства, ни в широких массах крестьянства.

Последнее сперва выдвинуло из своей среды беглого холопа Болотникова, который стал собирать вокруг себя недовольных на Украине, а затем двинулся и на Москву.

Болотникова на первых порах поддержало против бояр и служилое дворянство, недовольное управлением Шуйского. Но когда Болотников стал возбуждать крестьян против помещиков, призывая их грабить помещичьи усадьбы и сам первый показывал в этом пример, дворянство покинуло его,

перешло на сторону Шуйского и помогло последнему расправиться с восставшими крестьянскими массами.

Болотникова сменил новый Лжедимитрий, прозванный „Тушинским вором“. Как и Лжедимитрий I, он опирался на крестьянство и казаков и пользовался поддержкой поляков.

Когда же поляки покинули его, Шуйскому удалось разбить при поддержке служилого дворянства полчища Лжедимитрия II; в этом ему отчасти помогло и крестьянство северных областей, незатронутое смутой и меньше других страдавшее от тягот крепостничества.

Но сам Шуйский не был долговечен. Дворянство помогло ему расправиться с Болотниковым и Лжедимитрием II, но затем в лице рязанского дворянина Ляпунова и его товарищей потребовало, чтобы он добровольно отказался от царства. Ворвавшись во дворец, Ляпунов заявил Василию Шуйскому:

„Долго ли за тебя будет литься кровь христианская? Земля опустела; ничего доброго не делается в твое правление; сжалься над гибелью нашей, положи посох царский, а мы уже о себе как-нибудь промыслим“.

Шуйский попробовал было протестовать, крикнув Ляпунову в ответ: „Смел ты мне вымолвить это, когда бояре мне ничего такого не говорят!“

Но когда против него на московских сходках выступило и московское купечество и горожане,

он должен был подчиниться и оставил царство. Бояре и тогда не потеряли еще надежды удержать власть в своих руках и с этой целью повели переговоры с польским королем, прося его отпустить в Москву на царство своего сына Владислава с тем, чтобы он правил совместно с боярской думой и оставил в силе крепостное право. Кроме того, чтобы привлечь на свою сторону дворянство и купечество, они прибавили к этим требованиям пункты о созыве Земского Собора и о разрешении русским купцам свободно торговать в Польше и Литве.

Дворянство и купечество склонно было пойти на эту сделку, но она не состоялась, так как польский король Сигизмунд не соглашался послать в Москву своего сына и, желая самолично занять московский престол, с этой целью сам двинулся на Москву.

К 1611 г. мы застаем Россию в самом критическом положении. Польские войска взяли Смоленск, польский отряд сжег Москву и укрепился в Кремле. Шведы заняли Новгород и выставили одного из своих королевичей кандидатом на русский престол.

На смену Лжедимитрию II, убитому под Калугой, появился Лжедимитрий III.

Московское государство оказалось без правительства, так как с захватом Москвы поляками, стоявшая во главе управления боярская Дума упразднилась сама собой.

Государство, потеряв центр, раскололось на отдельные части, и чуть ли не каждый город стал

действовать особняком, почти не имея связи с соседними городами.

Тогда за воссоздание власти принялись дворянство и купечество; к ним же присоединилось и духовенство.

По призыву нижегородского старосты Минина и под руководством князя Пожарского было созвано дворянское ополчение, которое и двинулось на выручку Москвы.

Крестьянство к этому времени утомилось от непрекращавшейся смуты, было в конец разорено гражданской войной и после поражения Лжедимитрия II постепенно перестало принимать активное участие в движении. Казачество же, особенно более состоятельное, частично перешло на службу к дворянам и помогло им отогнать войска Сигизмунда и освободить Москву.

После этого вожди казацкого и дворянского ополчения князья Пожарский и Трубецкой объявили о созыве Земского Собора и разослали по всем городам и областям России повестки, призывая выборщиков в Москву для совещания и избрания государя. Всего собралось около 700 человек выборщиков от разных сословий.

На этом соборе сразу же столкнулись две такие противоречивые силы того времени, как служилое дворянство и казачество; старое боярство являлось третьей силой, тянувшей в свою сторону.

Но выход был найден, и выбор пал на 16-летнего

Михаила Романова, сына боярина, ставшего патриархом при Лжедимитрии II,—Филарета.

Род Романовых был сродни Ивану Грозному и происходил от старинного боярского рода Кошкиных. Выдвинула Михаила Романова часть служилого дворянства, хотя сам Пожарский был против этой кандидатуры и более склонялся возвести на престол шведского принца.

Но неожиданно эту же кандидатуру поддержали представители казачества, которые считали отца Михаила, Филарета, своим выборным патриархом. Бояре также были не прочь голосовать за Михаила Романова, рассчитывая, что молодой и малоразвитый царь станет послушным орудием в их руках: „Миша де Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден", писал боярин Шереметьев своему другу кн. Голицыну.

Духовенство и купечество целиком были за эту кандидатуру. Наконец, и среди народных масс она нашла широкую поддержку, так как род Романовых считался древним, был в родстве с Рюриковичами и являлся как бы законным наследником Грозного.

Тем не менее не обошлось дело без предвыборной агитации, при чем Романовым она обошлась не дешево.

Последний акт избрания Михаила описывается историком Ключевским в следующих словах:

„В торжественный день, в неделю православия, в первое воскресенье великого поста были назначены выборы. Каждый член собора подавал особое

письменное мнение, и во всех мнениях значилось одно имя Михаила Федоровича. Тогда несколько духовных лиц были посланы на Красную площадь, и не успели с лобного места спросить собравшийся во множестве народ, кого хотят в цари, как все закричали: „Михаила Федоровича".

II. Первые Романовы

Избрание Михаила Романова на царство состоялось 21 февраля 1613 г.

Юный царь во многом оправдал надежды бояр и имущих классов Московского государства. Ни одного дела он не решал сам, не посоветовавшись с боярской думой. Крупное землевладение при нем укрепилось и даже разрослось; изменился, правда, только состав крупных собственников: в их число постепенно вошли все ближайшие родственники нового царя.

Торговый класс пользовался у нового царя большими милостями и покровительством.

Михаилу Романову на первых порах, при безденежьи казны, часто приходилось обращаться к именитому купечеству за помощью, и в награду за это купцы освобождались от налогов, и мало-помалу забрали в свои руки управление государственной казной, сбором и раскладкой налогов и т. п.

Мелкопоместное дворянство, напуганное предшествовавшими крестьянскими восстаниями, верой и правдой также несло новому царю службу,

сознавая, что иначе ему не сохранить своих поместий и своей власти над крепостными.

Первые годы царствования Михаила, правда, имущие классы не вполне ему доверяли и требовали, чтобы все важные вопросы как внутренней, так и внешней политики разрешались с их участием. Этого же требовало и тяжелое положение всего государства, только что пережившего смуту и страшное разорение. Поэтому первые десять лет царствования были годами усиленной работы правительства совместно с Земским Собором, который почти не расходился, но и позднее Михаилу приходилось собирать его довольно часто.

Известно, что за время царствования его Земский Собор собирался 10 раз. Но к концу царствования имущие классы успели проникнуться доверием к новой династии, ревниво охранявшей их интересы, и наследовавший после смерти отца его сын Алексей Михайлович был избран на царство в 1645 г. уже без всяких колебаний.

Алексей Михайлович от природы был очень живым и впечатлительным, но страдал вспыльчивостью, терял самообладание, давая излишнюю волю рукам и языку. Ему ничего не стоило изругать человека самыми последними словами и даже избить его, совершенно не считаясь ни со своим положением, ни с обстановкой (подобные случаи бывали даже в церкви).

Но за исключением этого качества это был очень добродушный человек. Склад его ума и сердца

целиком отражался в его полной и даже тучной фигуре с низким лбом и большим лицом, пухлыми руками и мягкими глазами.

В этом человеке не было абсолютно ничего особенного, ничего, что отличало бы его хоть сколько-нибудь от самых обыкновенных людей и давало бы ему право руководить другими.

Ключевский так характеризует его: „Царь Алексей Михайлович был добрейший человек, славная русская душа. Я готов видеть в нем лучшего человека древней Руси... но только не на престоле". И этому весьма доброму и посредственному человеку пришлось быть царем „Всея Руси".

Россией правила боярская дума, а Алексей являлся лишь орудием в руках представителей тех слоев населения, которые владели землей, крестьянами и держали в руках торговлю.

За все время царствования Алексея Михайловича шло укрепление торговли и крепостного права, но вместе с тем шла борьба народа против торговли и крепостнического строя, который сдавливал в тисках деревню, выжимая из нее все соки, и в то же время укреплял город с его совершенно новой и чуждой для народа культурой.

Крестьянство должно было на своих плечах выносить все тяготы по восстановлению государства.

Неоднократно еще во время Михаила Федоровича оно облагалось „пятой деньгой", т. е. пятой частью своего дохода с земли. Такие поборы были

явно непосильны для крестьян, и крестьянство глухо волновалось.

При Алексее Михайловиче эти волнения вылились даже в форму открытого восстания под предводительством Степана Разина, но последнее довольно скоро было усмирено силою войска. [1])

Недовольно было своим подневольным и тяжелым положением и городское трудовое население. Оно также волновалось и порою поднималось против царя. Так было, когда Алексей Романов вздумал было установить высокую пошлину на соль.

В другой раз волнение в самой Москве разразилось из-за того, что царь вздумал нажиться на порче государственной монеты. Сперва он только понемногу добавлял медь в серебряные деньги, а затем захотел и совсем заменить серебро медью. Деньги быстро пали в цене, и это вызвало бунт городской бедноты.

Волновались москвичи и из-за притеснений родственников царя. Но каждый раз Алексею Михайловичу удавалось быстро прекращать смуту. Чаще всего это недовольство населения стало принимать форму протеста на религиозной почве.

При Алексее Михайловиче получил начало „раскол“, т. е. появилась такая народная секта, которая не желала признавать власти зависевших от

---

[1]) Подробное изложение восстания Разина, как и вообще общественного и революционного движения читатель найдет в книге т. Старосельского „От Степана Разина до наших дней“.

царя священников, не желала принимать исправленных ими церковных книг, креститься по их указанию тремя пальцами и т. д.

Суть движения была не в этих религиозных обрядах, а в протесте против гнета власти вообще и в сознании, что священники официальной церкви помогают властям держать народную массу в порабощении. Правительственные преследования раскольников так сильно расширили это движение, что оно дожило почти до наших дней.

Православное духовенство в этой борьбе с раскольниками было всецело на стороне светской власти. Оно и вообще ее всячески поддерживало, как и в самом воцарении Романовых духовенству также принадлежала известная роль.

Но при Алексее Романове разыгрался один эпизод, когда духовенство в лице тогдашнего патриарха вздумало было вступить в борьбу со светской властью.

Дело заключалось в следующем: духовенство в России сыздавна владело значительными недвижимыми имуществами и капиталами. При Михаиле Федоровиче к этому экономическому влиянию присоединилось и родство патриарха Филарета с царем, которому он доводился отцом. Его так и стали называть „государем патриархом".

Возвысившийся при Алексее Михайловиче патриарх Никон, пользовавшийся расположением и доверием религиозного царя, пожелал закрепить это влияние церкви на светскую власть и на будущее время.

Понадеявшись на силу церкви и свое собственное влияние, он решил вступить в борьбу с самим царем, но факты сразу же показали, что на деле материальные силы государства гораздо более значительны, чем идейное влияние церкви.

Царь Алексей Михайлович, пользуясь денежными средствами и торговым влиянием на востоке, подкупил восточных патриархов, созвал церковный собор и решением самой же церкви осудил попытку Никона пойти против царя.

Вскоре же после этого, уже в начале XVIII века звание патриарха было совершенно уничтожено Петром I, и на его место был создан „священный синод", т. е. собрание архиереев, руководимых представителем светской власти.

Таково было положение в эпоху царствования Алексея Михайловича.

Он, как ясно видно из вышеизложенного, шел по пути, предначертанному развитием русского торгового капитализма и продолжал дело своего предшественника.

А так как экономическое развитие торгового капитала требовало развития сношений с соседними странами, требовало надежного и обученного войска для распространения влияния государства на более слабых соседей, требовало, наконец, выхода к морю, то уже при этом царе в зачаточном состоянии стали зарождаться те преобразования и изменения русского государства, которые окончательно оформились при его преемниках.

Алексей Михайлович пробовал расширять границы государства, стремясь добиться новых рынков и торговых путей, он пробовал создать себе регулярную армию в виде стрелецких сотен, но это были лишь еще опыты, нащупывание почвы, а воплощение их в жизнь произошло лишь позднее, в царствование Петра I.

Алексею Михайловичу удалось вернуть от Польши области, уступленные последней его отцом Михаилом—Черниговскую и Смоленскую. Зато его попытки получить в результате войны со Швецией выход к берегам Балтийского моря потерпели неудачу. Самым значительным достижением этого царя в смысле расширения границ Московского государства явилось присоединение Украины. Московский царь воспользовался неравной борьбой, которую начало днепровское казачество с Польшей, и поспешил принять казацкого гетмана Богдана Хмельницкого „под свою высокую руку“.

Присоединенная Украина скоро почувствовала на себе всю тяжесть этой руки, и волнения там начались еще при Алексее Михайловиче.

Второй царь из дома Романовых Алексей Михайлович „тишайший“ умер в 1676 году, оставив трех сыновей: от первой жены Марии Ильиничны (Мстиславской) — Федора и Ивана, а от второй — Натальи Кирилловны (Нарышкиной) — Петра.

После смерти Алексея Михайловича на престол вступил старший сын Федор, но процарствовал недолго: он умер в 1682 г. на 21 году от роду.

После него престол должен был перейти к Ивану, но так как тот был „скорбен главою“, и не способен к царствованию, то царем был провозглашен сперва малолетний Петр, а затем, благодаря вмешательству стрелецких полков — оба оставшиеся в живых сына Алексея — Петр и Иван, а до их совершеннолетия правительницей была назначена Софья.

III. Петр I

Молодой царевич Петр рос несколько не в обычных условиях, по сравнению со своими предшественниками. На шестом году его начали учить грамоте, приставив к нему подъячего одного из московских приказов Зотова.

Этот „учитель“ передал своему ученику не только свои немудрые знания церковно-славянского чтения: часослов, евангелие, псалтырь и житие святых. Зотов также применял на своем ученике способ наглядного обучения, употребляя в дело книжки с картинками и модели разных заморских чудес, которые попадали во дворец из „Немецкой слободы“ (так называлось в Москве предместье, где жили иностранные ремесленники).

После назначения Софьи правительницей жизнь Петра сильно изменилась, систематические занятия с Зотовым кончились, и их место заняло увлечение Петра военным делом, игры в войну, солдаты и т. п. Грубое вмешательство стрелецких полков в жизнь

дворца не прошло для Петра бесследно и до конца жизни оставило след в его психике.

Вскоре в процессе этих игр и забав у Петра образовалось два так называемых „потешных полка“— Преображенский и Семеновский. Полки эти прошли настоящую военную подготовку, при чем обучение шло под руководством иностранцев-офицеров, привлеченных для этой цели из „Немецкой слободы“.

Тогда же впервые занялся Петр судостроением и мореплаванием, создав на реке Яузе маленькое подобие будущего своего военного флота. Этим делом также руководили иностранные мастера. Вообще Петр пристрастился к чужестранцам и почти все время проводил либо среди своих потешных, либо в Немецкой слободе.

Желая удержать сына дома и не допускать его частых и долгосрочных отлучек, мать его, урожденная Наталия Нарышкина, решила его женить и сама нашла ему невесту—Евдокию Федоровну Лопухину.

Петру в это время шел семнадцатый год, но его, уже достаточно разнузданного и развращенного царившей при дворе обстановкой, трудно было перевоспитать такими мерами; он сразу же не взлюбил свою жену и еще больше оторвался от дома, проводя все время со своими друзьями то на Переяславском озере, куда он перенес флот, то в Немецкой слободе, где шли пирушки, пьянство и т. д.

Среди этих увеселений и забав подошло время совершеннолетия Петра, когда он должен был взять власть в свои руки.

Ко времени вступления на престол Петра I, т. е. к концу XVIII века, торговля в России получила очень широкое развитие, настолько широкое, что необходимы были новые заграничные рынки, куда бы могли сбываться русские товары.

В это время у России совершенно еще не было морских гаваней, кроме Архангельска, так как на западе побережье Балтийского моря было занято шведами, а на юге выход в море преграждали турки.

Русское правительство еще со времен Ивана Грозного предпринимало неоднократно походы против шведов, но эти предприятия были обречены на неудачу, так как шведы в то время были очень сильными противниками, имели флот, регулярную армию, т. е. как-раз то, чего нехватало России.

Русский торговый капитал тем временем продолжал развиваться и крепнуть, рынки были ему необходимы, и в силу этих причин должна была появиться армия, могущая бороться из-за торгового господства на западе.

И в детских забавах Петра говорил дух времени. Начав с малого, он после своего вступления на престол имел уже некоторый опыт и весьма нужную помощь со стороны привлеченных для этой цели иностранных офицеров и стал создавать регулярную армию и флот, беря за образец иностранные армии.

Вскоре стрельцы, от которых Петр ничего не видел, кроме бунтов, были совершенно уничтожены, и на их место стала обученая и боеспособная армия.

С этой армией Петр вел многочисленные войны на юге России и, главным образом, на западе. На юге он отвоевал Азов, а на западе ему удалось совершенно сломить могущество шведов и расчистить путь для будущих русских торговых кораблей.

Царствование Петра I было временем, когда были проведены в жизнь важнейшие из реформ, способствовавших дальнейшему развитию страны по пути капитализма. Эти реформы дали возможность русской торговле перенести поле своей деятельности с востока на запад и отдали в руки правительства и имущих классов все возможности к использованию России в торговых целях.

Эти реформы послужили также началом промышленного капитализма, правда весьма слабого и однобокого, но все же мы можем считать, что значительное развитие фабричное и заводское производство получило на Руси в царствование Петра I, благодаря производственным реформам.

Организовав армию и флот, Петр I произвел много перемен и во внутреннем управлении государством. Совершенно упразднил он боярскую думу и создал сенат с целым рядом коллегий, имеющих чисто хозяйственные функции, как-то: мануфактур-коллегия, коммерц-коллегия и т. д.

Церковное управление было при нем окончательно подчинено надзору светской власти.

Нуждаясь в деньгах для ведения войн, Петр I не стеснялся прибегать к принудительному позаимствованию средств из церковных богатств.

Управление в отдельных городах было передано купечеству. Деревня же отдавалась в полное распоряжение помещиков, они были призваны творить суд и расправу, а также и руководить сбором налогов.

Была назначена подушная подать, которую платили все мужчины без исключения. Подушная подать являлась средством взимания той суммы денег, которая была необходима на содержание армии и государственного аппарата.

Содержание армии стоило государству дорого, но Петр был настойчив при добывании необходимых средств.

Еще более настойчивым он проявил себя в деле изменения старинных русских обычаев на европейский лад: собственноручно резал длинные русские бороды, обрезывал длиннополые кафтаны, насильно заставлял участвовать в „ассамблеях“, как назывались устраиваемые им пирушки.

Из вышеприведенного видно, что государство при Петре преследовало одну цель—укрепление торгового капитала, и все реформы петровского времени, весьма важные в смысле насаждения в России европейских порядков, к этой цели и сводились.

Петра I мы обыкновенно знаем в свете этих „реформ“, в том свете, в котором нам его преподносили царские историки.

Но народ русский испытал на своей спине всю прелесть этих реформ, проводившихся деспотичной рукой Петра. Всякое противодействие подавлялось им с жестокостью времен Ивана Грозного.

Да и на самом деле личность этого царя-преобразователя, „царя-плотника“ хотя и замечательна, но совершенно не поэтична.

Петр I, будучи человеком крупного роста и огромной силы, в то же время уже с детства носил в себе черты вырождения и неуравновешенности.

На почве алкоголизма, развившегося с ранних лет и тяжелого душевного надлома, произведенного на него бунтом стрельцов, в нем смешалась вместе русская помещичья и европейская матросская разнузданность. Тяжелая болезнь, захваченная во время вторичного путешествия в Европу, еще сильнее стала подтачивать, расшатывать душевное равновесие и силы Петра I и через 8 лет свела его в могилу.

Вот как очерчивает Петра I русский писатель Б. Пильняк:

„Человек ненормальный, всегда пьяный, сифилитик, неврастеник, страдавший припадками тоски и буйства, своими руками задушивший сына... Монарх, никогда ни в чем не умевший сокращать себя—не понимавший, что должно владеть собой, деспот... маньяк. Трус, испуганный детством, возненавидел старину, принял слепо новое, жил с иностранцами, съехавшимися на легкую наживу, обрел воспитание казарменное, обычаи голландского матроса почитал идеалом... Император, больше всего любивший дебош, женившийся на проститутке, наложнице Меньшикова—человек с идеалами казарм. Тело было огромным, нечистым, очень потливым, нескладным, косолапым, тонконогим, проеденным

алкоголем, табаком и сифилисом. С годами на круглом, красном, бабьем лице обвисли щеки, одрябли красные губы, свисли красные—в сифилисе—веки, не закрывались плотно; и из-за них глядели безумные, пьяные, дикие, детские глаза...“ Это описание довольно верно соответствует действительности, но оно страдает односторонностью. При наличности большинства перечисленных отрицательных качеств Петра, необходимо отметить его простоту в обращении, его требовательность и скромность по отношению к себе самому, его искренность и отзывчивость по отношению к другим. Умея быстро разбираться в людях и определять их пригодность, он не умел беречь их силы. Кипучая деятельность, проявленная им во многих поприщах, в значительной части пропадала даром, благодаря его политической неподготовленности, а крупные способности, заложенные природой, сплошь и рядом разменивались на мелочи усвоения чисто ремесленной техники.

Петр процарствовал около 35 лет и был два раза женат. Свою первую жену он запер в монастырь, чтобы жениться на Екатерине.

Прожив таким образом до 1725 г., Петр умер, надо думать, от последствий сифилиса, не оставив после себя наследника, так как его единственный сын (от первой жены) был им задушен в Петропавловской крепости.

Тяжелое впечатление производит личность Петра, но еще более тяжелое впечатление оставило его царствование в народе.

Последствия войн и реформ были ужасны: класс помещиков и купцов обогатился и вырос, но народ, обремененный непосильными налогами и измученный войнами, проклинал царя.

Петровские нововведения оставались непонятными народной массе и порождали слухи, что царя подменили за границей, или что царь Петр—антихрист, и, что его царствование предшествует кончине мира. Народ роптал, и этот ропот местами переходил в бунты, безжалостно подавляемые царем.

IV. Эпоха дворцовых переворотов
(1725 г.—1762 г.)

Не цари—малина:
Тот женой удавлен,
Тот замучил сына,
Этот замуравлен.
(Александров[1])

Все время от смерти Петра I и до воцарения Екатерины II можно назвать временем дворцовых переворотов.

Эти перевороты затрагивали основы государства и имели очень важное политическое значение, потому что решающей силой, от которой зависела судьба правительства, неожиданно стала гвардия. Почти ни одна смена на русском престоле не

---

[1]) Петр III убит по приказу своей жены Екатерины II, Петр I—виновник смерти собственного сына Алексея, Иоанн VI был свергнут с трона Елизаветой и заточен с младенческих лет в Шлиссельбургской тюрьме.

обходилась без вмешательства гвардейских полков, и можно сказать, что за эти 37 лет гвардия делала правительства.

А так как гвардия представляла собой цвет тогдашнего дворянства, то понятно, что при ее помощи феодально-крепостническая часть общества могла всегда направить правительство в нужную ей сторону.

По сути дела дворянство в лице гвардии стремилось посредством переворотов защитить свои интересы от посягательств иностранного капитала, который, проникнув в Россию еще до Петра I, при его преемниках, пытался целиком захватить в свои лапы всю страну.

Появление на царском троне женщин, более легко доступных посторонним влияниям, облегчало иностранному капиталу его задачу, но оно же породило националистическую реакцию в кругах русского дворянства.

Ближайшей же причиной бесконечной смены царей на русском престоле после Петра I было то, что после него не осталось прямого наследника, а он сам перед смертью изменил порядок наследования, опасаясь, как бы потомство его сына от первой жены, захватив царскую власть, не отменило бы всех его нововведений.

Наследование престола пошло по боковым линиям и перескакивало так причудливо, что говорить о династии Романовых после Петра I можно только условно.

Одному из русских историков приписывается следующее наглядное изображение судеб царствовавшей династии Романовых. Он взял бокал красного вина и стал разбавлять его водой соответственно степени родства каждого из царствовавших лиц. К концу дворцовых переворотов у него в бокале оказалась уже почти чистая вода.

После смерти Петра I, во время выборов наследника, к дворцу подошла гвардия и потребовала воцарения Екатерины. Это было первое политическое выступление гвардии, и оно, разумеется, решило дело; Екатерина была возведена на престол. Но она царствовала очень недолго, пережив своего мужа только лишь на два года.

Умерла она от болезни, которой наделил ее муж, и почти непробудного пьянства. За последний год жизни она умудрилась истратить на свои прихоти 6½ мил. рублей, не взирая на бедность государственной казны.

Екатерину сменил Петр II, внук Петра I и сын задушенного отцом Алексея Петровича.

Этот царь не процарствовал и одного года и умер на пятнадцатом году жизни от оспы.

За эти два весьма коротких царствования власть находилась в руках, так называемых, „временщиков“, главным из них был Меньшиков—любимец Екатерины I. Правил также верховный тайный совет, который впервые был образован во время царствования Екатерины 1 и состоял из самых сановных вельмож. Этот совет стоял выше сената,

рассматривал и решал самые важные государственные дела, назначал кандидатов на престол и т. д.

После смерти Петра II тайный совет предложил кандидатуру Анны Иоановны—дочери Иоанна Алексеевича, брата Петра I.

При вступлении на царство ей было поставлено условием, чтобы при ней всегда состоял „совет из 8 вельмож“ [1]) и чтобы она обязалась „без согласия этого совета не начинать войны и не заключать мира, не отягощать подданных новыми налогами... не жаловать вотчин, не отнимать без суда живота, имущества и чести у дворян, не употреблять в расходы государственных доходов“.

Это была попытка крупного дворянства ограничить самодержавную власть, оформить это ограничение специальной грамотой, подписанной государыней. Но общественное мнение широких дворянских кругов, недовольное властью временщиков из сановной знати, высказалось против этого нововведения.

„Надоело нам иго временщиков“, слышалось повсюду, и едва успела новоизбранная царица прибыть в Москву, как ей при горячей поддержке гвардейских полков была подана челобитная, с просьбой „всемилостивейше принять самодержавство таково, каково ее предки имели“.

Анна, видя такую поддержку со стороны дворян, немедленно разогнала „верховный тайный совет“ и... велела привезти из Митавы своего любовника Бирона.

---

[1]) Верховный тайный совет.

Бирон в бытность Анны герцогиней Курляндской, был вначале конюхом, а впоследствии стал ее любовником.

Перетащив Бирона в Россию, Анна стала осыпать его всяческими почестями: вначале возвела его в графы, затем в курляндские герцоги и в результате отдала в его руки все управление. И весь период царствования Анны запомнился в народе под именем „Бироновщины“.

Это имя стало пугалом на многие поколения.

Бирон и его приспешники „канальи курляндские“, которыми он наводнил Россию, посадив их на все более или менее теплые места, смотрели на Россию, как на завоеванную страну, и поэтому немилосердно грабили народ.

Никогда еще до сих пор сбор податей не сопровождался подобными жестокостями: недоимщиков ставили „на правеж“, т. е. били палками до тех пор, пока не уплатят или не падут замертво под ударами.

И это не взирая на то, что Россия переживала в это время полосу недородов, голода, повальных болезней. Повторялись времена татарских нашествий, только из отечественной столицы. Стон и вопль стоял по всей России.

„Царствование Анны,—пишет русский историк Ключевский,— одна из мрачных страниц нашей истории и наиболее темное пятно в ней—сама императрица. Рослая и тучная, с лицом более мужским, чем женским, черствая по природе и еще

более очерствевшая при раннем вдовстве среди дипломатических козней и придворных приключений в Курляндии, где ею помыкали, как русско-прусско-польской игрушкой, она, имея уже 37 лет, привезла в Россию злой и мало образованный ум с ожесточенной жаждой запоздалых удовольствий и грубых развлечений...“ „Немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались во все доходные места в управлении...“

„Нельзя представить себе, до какого великолепия дошел русский двор в настоящее царствование, несмотря на то, что в казне нет ни гроша, а потому никому ничего не платят. Все мысли ее величества отданы удовольствиям и заботам о том, какими бы богатствами и почестями осыпать графа Бирона“—писал тогдашний английский посланник своему правительству.

После смерти Анны Иоанновны в виду малолетства наследника (Иоанна Антоновича) Бирон был назначен регентом. К счастью, регентство его продолжалось всего лишь 22 дня. А затем он был свергнут и сослан в Сибирь.

Переворот произошел опять-таки при помощи гвардии, которой руководил фельдмаршал Миних. На престол была возведена Анна Леопольдовна—мать назначенного Анной Иоанновной императора, который тогда еще едва ли умел и ползать.

Прогнав Бирона и возведя правительницей Анну Леопольдовну, фельдмаршал Миних решил усесться

сам на место Бирона, воображая при этом, что, благодаря своей популярности среди гвардии, он будет сидеть крепче своего предшественника.

Но когда его самого вскоре ссадили с места, гвардия не шелохнулась. Ей нужен был вовсе не Миних. Уже сделанный им переворот казался дворянской солдатской массе переворотом в пользу дочери Петра I Елизаветы.

Таким образом сесть на престол Елизавете Петровне не составляло никакого труда, что она и выполнила при живейшем участии лейб-гвардии.

Но не надеясь, что дело сможет обойтись так быстро и просто, она сговорилась с французским и шведским посланниками относительно помощи в деле ее вступления на престол.

При этом она готова была отдать шведам все те земли, которые были отняты войнами Петра I. Но так как дело обошлось благополучно и без иностранной помощи, то Елизавета не постеснялась обмануть их, нарушив данное обещание.

Во время царствования Елизаветы очень высоко возвысился сенат, авторитет которого так низко пал за время ее предшественников.

Дворянство совершенно не хотело повторения „бироновщины“ и для того, чтобы исключить всякую возможность ее появления, оно укрепляло всеми силами сенат, посягая даже на царские права.

Чтобы иметь возможность противостоять сенату, Елизавета создала небольшой кружок из 6—7 человек, который должен был помогать ей в упра-

влемнии. Но силой противодействия этот „кабинет“ стать не смог, так как существовал неофициально и оформиться не успел. Дворянство укрепилось очень сильно и никому не хотело уж больше уступать место.

О самой Елизавете можно сказать мало хорошего.

Ключевский называет ее умной и доброй, но беспорядочной и своенравной русской барыней XVIII века и дает следующую приблизительную характеристику ее:

„Послушная дочь своего духовника о. Дубянского и ученица французского танцмейстера Рамбура она строго соблюдала посты при своем дворе, так что гастроному канцлеру А. П. Бестужеву-Рюмину только с разрешения константинопольского патриарха дозволено было не есть грибного, и во всей империи никто лучше императрицы не мог исполнить менуэта и русской пляски. Религиозное настроение в ней согревалось эстетическим чувством. Невеста всевозможных женихов на свете от французского короля до собственного племянника... она отдала свое сердце придворному певчему из черниговских казаков, и дворец превратился в музыкальный дом: выписывали и малороссийских певчих, и итальянских певцов, а чтобы не нарушать цельности художественного впечатления, те и другие совместно пели и обедню, и оперу“.

Кроме веселья и танцев, Елизавета была также очень пристрастна к богомолью: обычно с вечерни она ехала на бал, а с бала спешила прямо к заутрени. Неоднократно совершала она пешком

путешествия в Троицко-Сергиеву Лавру, обставляя свою походную жизнь во время них всеми доступными увеселениями.

Единственно в чем она ушла вперед от своих предшественников—это в разврате. В нем она действительно преуспевала. Это была самая развратнейшая из всех Романовых. Ее любовникам не было счета, в этой должности перебывала масса народу, начиная от иностранных послов и кончая учениками кадетского корпуса.

Она была очень неряшлива, груба, взбалмошна, а порою, не смотря на обычную доброту, и жестока. Своих придворных дам и фрейлин она приказывала сечь публично на площади и вырывать им языки за непочтительные отзывы о ее величестве. Поражало также в императрице ее круглое невежество: она, напр., так и умерла, полагая, что в Англию можно проехать из России сухим путем.

Во время правления этой веселой и легкомысленной женщины, которой некогда было заниматься государственными делами, во всем государстве царил страшный беспорядок. Губернаторы и прочие власти безнаказанно грабили народ, а помещики мучили крестьян. Правда, не было тех ужасов, которые творились при Бироне, но все же многие из крестьян покидали родину, уходили в другие государства, а во время войны с Пруссией многие из русских солдат не захотели вернуться домой. Так хорошо жилось народу под скипетром Елизаветы.

Стоила она русскому государству очень дорого:

когда она умерла, в казне не было ни копейки: солдатам жалованье платилось медной монетой, переливаемой из пушек, а между тем, царский гардероб состоял из 15.000 платьев, и их могло бы быть еще больше, но петербургские модные магазины, наученные горьким опытом, под конец отказались отпускать товары для двора в кредит и стали требовать наличного расчета.

Так царствовала Елизавета Петровна, просидев на русском престоле двадцать лет.

Ее царствование было довольно мирным. Только вначале ей пришлось закончить войну со Швецией, да в конце она приняла участие в семилетней войне с Пруссией.

После ее смерти престол занял ее племянник Петр Голштинский, ставший императором Петром III, но процарствовал всего один лишь год.

Странную фигуру на русском престоле выявил этот монарх, отличавшийся с малолетства слабоумием и сумасбродством. Недоразвившийся, ничему толком не научившийся, он походил на ребенка, вообразившего себя взрослым. На троне он продолжал играть в солдатики и куклы, копировал по-детски Фридриха Прусского, презирал все русское, насмехался над религией и успел в короткое время восстановить против себя буквально всех.

Историк Ключевский считает его „самым неприятным из всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета“, но и последняя часто приходила в отчаяние от его характера и поведения.

Он ничего не знал и знать не хотел, кроме вина, и был вечно пьян. Поссорившийся еще во время своего голштинского герцогства с Данией, он решил отомстить ей, воспользовавшись положением императора, но гвардия не хотела воевать за голштинские интересы. Этим воспользовалась жена Петра III, немка Екатерина; вместе со своим любовником Орловым, имевшим сильное влияние и поддержку в армии, она свергла своего мужа, так, кажется, и неразобравшего спьяна, что с ним происходит. Петр III был убит, а на его место села его жена, ставшая императрицей Екатериной II.

V. Екатерина II

Насильно Зубову мила,
Старушка дряхлая жила
Приятно, по наслышке, блудно,
Писала прозой, флоты жгла,
С Вольтером лучший друг была,
И умерла, садясь на судно.

(Пушкин)

Свергнув своего пьяницу-мужа, Екатерина вступила на престол при общей радости дворянства, именитого купечества и всего русского общества.

Ее коронование сопровождалось в столице празднествами, стоившими большого количества вина. Спустя три года после этих событий в сенате еще разбиралось дело петербургских виноторговцев о вознаграждении их „за растащенные при благопо-

лучном ее величества восшествии на императорский престол виноградные напитки солдатством и другими людьми“.

Екатерина II вполне оправдала надежды дворян, которые, в лице гвардейских полков, возвели ее на престол.

Оправдала она и надежды остальных привилегированных классов русского общества, так как ее управление было направлено на поддержание и защиту интересов этих классов.

На дворянство тотчас же по воцарении Екатерины посыпались великие и богатые милости, и много сотен тысяч крестьян было роздано императрицей в награду за оказанную ей услугу. Недаром льстивые историки царской России назвали Екатерину „великой“ и считали ее продолжательницей петровских реформ, т. е. ратовавшей за укрепление на Руси торгового капитала.

Прежде всего Екатерина сильно расширила русские границы и именно в тех пунктах, которые дали новый толчок к развитию русской торговли. Она завоевала северные берега Черного моря, открыв таким образом дороги русским кораблям с юга.

Кроме этого, Екатерина участвовала в войнах с Польшей и впоследствии в ее разделе. В этом разделе России досталась богатая добыча. К России отошли Литва и Курляндия.

В общем из всех земель, завоеванных Екатериной, впоследствии было составлено 11 губерний.

Но это была не единственная заслуга Екатерины перед имущими классами и, в первую очередь, перед русским дворянством.

Она ревностно распространяла и укрепляла крепостное право. Она ввела крепостное право в украинских губерниях, где власть помещиков до тех пор не была сильна; она же сделала власть помещиков над крестьянами почти неограниченной. Запрещала принимать от крестьян жалобы на помещиков. Крестьян за подачу жалобы ожидали суровые кары; наоборот, помещику было предоставлено право без всякого суда и следствия, по одному только своему усмотрению, ссылать своих крестьян на каторгу и т. д.

Этими и подобными им мерами она довела крестьянство до такого тяжелого и невыносимого состояния, что недовольство против власти и помещиков не замедлило вскрыться и вылилось в виде одного из самых сильнейших крестьянских восстаний—Пугачевского бунта.

Таковы были екатерининские „реформы“. Если к этому еще прибавить заботы Екатерины о дворянстве, которому она даровала „вольности“, т. е. самоуправление, которое она всячески стремилась усилить как „опору престола“ и для детей которого она пооткрывала женские и мужские закрытые учебные заведения, в роде гимназий, кадетских корпусов, Смольного института и т. д., то станет ясным, почему так гордилась Екатериной царская Россия и почему она умерла, окруженная уваже-

нием и почему память о „веке Екатерины“ так свято чтилась господствующей частью общества.

Екатерина была самой умной и самой образованной из всех своих предшественников. Она, как известно, вела переписку с французскими философами, писала сама сказки и небольшие драматические вещицы, слыла покровительницей просвещения и вообще гуманнейшей женщиной, но все это не помешало ей, несмотря на кажущийся либерализм, стойко защищать интересы помещичьего класса и под ширмой гуманизма проделывать весьма негуманные и жестокие вещи.

В своей личной жизни она мало чем отличалась от Елизаветы. Еще будучи женою Петра III, она преподносила ему наследников, от которых он считал своим долгом отказываться.

Но тогда она еще не могла или не хотела показать себя во всей широте. Она прекрасно умела разыгрывать из себя примерную и послушную жену, между тем как исподтишка могла спокойно и обдуманно готовить гибель своему мужу и готовить себя на русский престол. Эти гордые мечты она вынашивала в себе еще задолго до того, как муж ее стал русским императором, а из своих тогдашних любовников воспитывала себе помощников и будущих сподвижников.

По вступлении на престол жизнь Екатерины протекала либо среди увеселительных поездок по России, либо в ее петербургском дворце, где она занималась всем, чем угодно, и меньше всего делом.

Камер-фурьерский журнал, куда заносились все сведения из повседневной жизни императрицы, очень ярко характеризует эту жизнь: „Изволила кушать обеденное кушание“, „Изволила забавляться в карты“, „Изволила кататься в карете“, „Изволила танцовать“ и т. д.

Уже по этим отрывочным сведениям можно судить, как протекала жизнь во дворце.

Но там занимаются и не только танцами. Бывали такие минуты, когда Екатерине II было совсем не до танцев. Можно сказать с уверенностью, что во время пугачевского бунта Екатерина не танцовала. Подчас ей приходилось очень туго.

И тогда она умела с мастерством первоклассного актера соединять в себе добродушие и либерализм с неприглядными чертами русской полицейщины. Если вспомнить все те репрессии, которым подверглось крестьянство, все те виселицы, которыми украсилась Россия в угоду „матушке императрице“, станет ясным, чьи интересы отстаивала умело Екатерина II.

Особенно перепугала Екатерину французская революция 1789 г. Тут уж и все ее свободомыслие пошло на смарку. Видя, как в Европе трясутся троны и летят головы королей, она забыла все красивые слова и думала только о сохранении своего собственного благополучия.

Крупный русский ученый того времени Радищев попробовал выступить против крепостного права и жестоко поплатился за это. Екатерина пригово-

рила его к смертной казни, но „милостиво“ сослала в Сибирь.

Так же жестоко расправлялась она и с другими лицами, мечтавшими об улучшении участи крестьянства. Но это еще далеко не все добродетели „великой“ Екатерины.

Остановимся вкратце и на ее „семейной“ жизни. После смерти мужа она окружила себя целой толпой любовников. Она меняла их довольно часто, а поставщиком новых являлся „князь Тавриды“—Потемкин, бывший также одним из них. Назначение и утверждение таких „приближенных“ было строго регламентировано. Одобренный Потемкиным новый кандидат направлялся к так называемой пробир-даме, которая на себе определяла его способности и достоинства. И лишь пройдя все эти инстанции, новый любовник царицы утверждался в своем звании.

Эти „приближенные“ („фавориты“) сменялись очень часто и стоили государству колоссального количества денег; главные и наиболее настойчивые из этого сословия впоследствии стали миллионерами, но ни один не уходил с пустыми руками.

Вот краткий счет, во что обошлись России наиболее видные из „любимцев“ Екатерины. Первому из них Григорию Орлову Екатерина пожаловала не более и не менее как 45.000 душ крестьян и восемьдесят пять миллионов рублей (на современные деньги) деньгами и разными драгоценностями.

Сменивший Орлова Васильчиков получил от нее 7.000 душ крестьян, 500.000 деньгами и на 500.000 рублей драгоценных вещей и серебряной посуды. Потемкину Таврическому Екатерина подарила 37.000 крестьян и 45 мил. деньгами.

Графу Завадскому 20.000 крепостных, 400.000 р. деньгами и пожизненную пенсию в 25.000 р. в год. Красавцу сербу Зоричу достались крупные поместья в Лифляндии, целое местечко Шклов около Могилева, великолепный дом в Петербурге около Зимнего дворца и несколько миллионов деньгами.

Заместивший Зорича Римский-Корсаков получил от Екатерины 4.000 душ крестьян и около двух миллионов рублей. За Корсаковым следовали Ланской, Дм. Мамонов, Платон Зубов и ряд других, и все получали поместья, драгоценности и деньги от любвеобильной императрицы. Такая „веселая" жизнь продолжалась у Екатерины до самой смерти. Умерла она внезапно у себя в уборной. Перед смертью она хотела лишить престола своего сына Павла, но не успела, так как смерть ее явилась неожиданностью для всех и прежде всего для нее самой. Так закончила свое „блестящее" 34-хлетнее царствование Екатерина II.

VI. Павел I

Сын и наследник Екатерины II—Павел был явно больным и невменяемым человеком.

Из-за нелюбви к своей матери он, как только

вступил на престол, все делал наперекор или же вообще не руководился решительно никакими принципами в своих делах.

В результате все достижения дворянства за время царствования Екатерины грозили пойти на смарку. Страдая манией преследования, он везде видел заговоры, тысячами ссылал „подозрительных“ дворян в Сибирь, разжаловал массу из них в солдаты и т. п.

Он был также страшно напуган французской революцией и в дворянах, приверженцах его матери, а то и просто одетых во французское платье, видел носителей революционной заразы.

Он закрыл все частные типографии, оставив только одни казенные. Запретил употреблять слова „отечество“, „гражданин“, требуя, чтобы вместо них употребляли: „государство“, „обыватель“—но вместе с этим он распорядился вернуть из ссылки Радищева и Новикова, которых сослала в Сибирь его мать.

Стараясь искоренить возможность революции в России, он подверг дворянство репрессиям: восстановил телесные наказания дворян, отмененные Екатериной, и издал указ, запрещавший заставлять крестьян работать на помещика более трех дней в неделю. Это ограничение „барщины“ было самым больным ударом для помещиков.

В минуты просветления Павел бывал добр и справедлив, так, например, он прекратил гонение на старообрядцев. Но таких моментов было очень мало в его жизни; большею же частью он был

подозрителен, вспыльчив и свиреп. Он не доверял никому и даже собственных сыновей подозревал в заговоре против себя.

Следует также сказать несколько слов о его внешней политике. Участвуя вместе с Австрией и Англией в войне против Франции, он вначале был очень дружен с союзницами, и война шла удачно. Русские войска освободили от французов Италию и покрыли себя под начальством Суворова славой.

Но вдруг ни с того, ни с сего, из каких-то чисто личных соображений, он порвал союз с Англией, закрыл вход ее кораблям в русские гавани и завязал сношения с Францией.

Все это, а в особенности его внутренняя политика, страшно возмущало дворянские круги.

За 4 года царствования им были выгнаны со службы 7 фельдмаршалов, свыше 300 генералов и более 2.000 офицеров; многие попали в крепость или были сосланы в Сибирь.

Смятение, ужас и страх царили во всем дворянском Петербурге; попадало от него, конечно, и другим сословиям: за то, например, что старик-духобор не снял перед ним шапки, Павел I распорядился зажечь с четырех концов все село.

Против него был составлен заговор, во главе которого стал его старший сын Александр, и Павел был убит в своей собственной спальне. Александр был любимым внуком Екатерины, и после свержения Павла дворянство поспешило передать ему русский престол.

VII. Александр I

Сказал деспот: „мои сыны,
Законы будут вам даны;
Я возвращу вам дни златые
Благословенной старины.“
И обновленная Россия
Надела с выпушкой штаны.

(Пушкин)

После смерти Павла I русское дворянство вздохнуло свободней, так как царствование Александра I обещало быть „по законам и сердцу“ Екатерины, как говорилось в манифесте к народу.

И действительно Александр I явился ревностным последователем своей бабки, продолжая начатую ею политику, ухаживая за дворянством и укрепляя его положение. Вместе с тем при вступлении на престол Александр I склонен был проявить некоторый либерализм.

Дело в том, что молодой император получил совершенно необычное для русских монархов воспитание. Его учителем был один очень образованный и гуманный швейцарец Лагарп, сумевший на время привить своему воспитаннику отвращение к рабству и самовластию и любовь к гражданской свободе своей родины.

Александр Павлович, еще будучи наследником престола, как будто проникся этими идеями и одно время даже помышлял отказаться от престола, уехать из России и поселиться где-нибудь в качестве простого смертного.

„Возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более уничтожить укоренившиеся в нем злоупотребления?—писал он в это время одному из своих друзей, графу Кочубею. Это выше сил даже самого умного человека, а не только одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями“.

Но позднее он отказался от этого намерения и решил вступить на престол лишь для того, чтобы немедленно же отменить крепостное право и ограничить самодержавную власть, созвав немедленно земский собор и передав ему власть.

Но ни одно из этих намерений Александром I не было выполнено.

Освободить крепостных оказалось не так-то легко, так как это задевало интересы дворян, которых Александр I не желал обижать. Поэтому вместо отмены крепостного права он ограничился только тем, что издал закон, по которому дворянам разрешалось, если бы они захотели, освободить своих крестьян.

В упрек Александру I при этом можно поставить, что он даже не постарался как следует вникнуть в положение крестьян. Так, например, он до конца своей жизни был убежден, что в России запрещено продавать отдельных членов крестьянской семьи, и это в то время, когда буквально против его Зимнего дворца в Петербургском губернском правлении шла торговля крепостными изо дня в день.

Еще хуже обстояло дело с ограничением самодержавия. Сделавшись сам самодержцем, Александр I убедился, что земский собор ограничит прежде всего его самого, потребует отчета во всех расходах и будет вмешиваться во все распоряжения монарха.

Он стал поэтому медлить, колебаться и в конце концов совершенно отказался от осуществления своих юношеских мечтаний.

Вместо созыва народных представителей Александр I решил учредить для обсуждения проектов новых законов государственный совет, члены которого избирались не народом, а назначались самим же царем, да притом из одного только высшего сословия.

Но и этому совету он не решился предоставить больших прав. Государственный совет мог только высказывать свое мнение, с которым государь мог соглашаться, но мог его и отвергать.

Разумеется, что созданный из престарелых чиновников, получавших притом огромное жалованье, государственный совет лишь увеличил собою количество прежних бюрократических канцелярий и ни в чем не изменил прежний порядок управления государством.

Благодаря военным победам в войне с Францией, Александру I удалось стать во главе „священного союза“ всех европейских государей, который под видом укрепления и распространения мира занимался уничтожением результатов французской революции.

Кроме этого почетного дела, ему удалось захватить нечто более существенное, а именно прусскую часть Польши, центром которой являлась Варшава и которую он потребовал себе в качестве награды после победы над Наполеоном.

Такова была деятельность Александра в начале его царствования, она вполне отвечала вожделениям правящих классов.

Либерализм Александра I выявился лишь по отношению к Польше, которой он даровал конституцию и обеспечил более или менее значительную свободу.

Но в отношении России он не склонен был производить каких-либо изменений в самодержавном режиме. Напротив, во вторую половину своего царствования Александр I стал склоняться к реакционным влияниям. Особенно сильное значение стал играть при нем ген. Аракчеев, который убедил этого государя завести среди казенных крестьян особые поселения, в которых вся жизнь была бы поставлена на военную ногу, все хозяйство велось бы по команде офицеров и которые давали бы возможность содержать большую армию без особых затрат на нее.

Но эти „военные поселения“ вызвали при попытке их осуществления открытые солдатские бунты, беспощадно подавляемые царским советником, палачом-генералом Аракчеевым.

Влияние Аракчеева на Александра I сказалось и помимо военных поселений. Во всей армии была

учреждена суровая дисциплина, была заведена беспощадная муштровка солдат, и все это поддерживалось самыми свирепыми экзекуциями.

За малейшую провинность назначались сотнями удары розог, а за более серьезные провинности— наказание плетьми, кнутом, или же виновного прогоняли сквозь строй солдат, которые в это время наносили ему удары палками.

Сам Аракчеев подавал пример подобным расправам и заслужил за них славу настоящего палача. Ему ничего не стоило распорядиться, чтобы упавший от этих истязаний солдат был отнесен для поправки в госпиталь, чтобы затем докончить над ним экзекуцию.

А Александр I знал о всех этих зверствах и ничего не предпринимал против них, считая, что поддержание дисциплины в армии требует жертв, а сама дисциплина необходима для охраны самодержавной власти.

Эти проявления жестокости наряду с остальными реакционными уклонами Александра I к концу его царствования оттолкнули от него лучшую часть тогдашнего общества и были одной из причин, побудивших к основанию ряда тайных обществ и заговору декабристов, разразившемуся уже после его смерти при вступлении на престол его брата Николая I.

Обозрев политическую и общественную деятельность Александра, мы кратко остановимся на личных чертах его,

Об Александре I, как о человеке, можно сказать следующее: запуганный нелюбившим его отцом, он был обречен на ненормальное детство, очень пагубно на нем отразившееся впоследствии.

15-ти лет его насильно женили на 14-тилетней девочке, и эта неестественно-ранняя связь и проходившая перед его глазами ненормально-грубая и циничная жизнь его бабки Екатерины II неизбежно должны были положить свою печать на духовный облик Александра I.

Неудивительно, что он должен был расти совершенно исковерканным юношей, дикие же капризы сумасбродного отца отразились на нем развитием слабоволия и умственной дряблости. Свою жену он вскоре же после свадьбы бросил; сам он не отличался пылкостью своей бабки, но как на яркий признак династического вырождения и половой аномалии, можно указать на его страстную любовь к собственной сестре.

Александр I мог быть душою дамского общества, плясать, рассказывать анекдоты, блистать своей красотой на балах, но в серьезном деле он никак не мог подавить своей робости и безграничного слабоволия. Когда что-нибудь выходило не по его желанию, он часто плакал. В последние годы жизни его сильно преследовало угрызение совести за смерть отца.

Таков в общих чертах тип императора Александра „благословенного". Его царствование продолжалось 24 года. Его смерть послужила толчком

для революционного восстания части русской армии, подготовленного так наз. заговором „декабристов“. Восстание послужило протестом против деятельности Александра и его сподвижников и требовало установления в России конституции.

VIII. Николай I

Едва царем он стал
И разом начудесил:
Сто двадцать человек
Тотчас в Сибирь послал,
Да пятерых повесил.

(Пушкин)

Александр I умер бездетным. Его сменил родной брат Николай Павлович.

Этот император начал свое царствование с подавления заговора „декабристов“. Подавление было произведено блестяще: с артиллерией, конницей; следствием и судом над декабристами руководил сам царь и проявил при этом достаточно жестокости. Пять наиболее видных из заговорщиков были повешены, а остальных, их было больше сотни, сослали в Сибирь. Это начало определило всю дальнейшую политику Николая—царя жандарма, наводнившего Россию полицейщиной и установившего над Россией диктатуру военного кулака.

Он сжал страну в железные тиски реакции, стремясь задушить всякое, хотя бы самое невинное проявление общественности и оппозиции правительству. При нем была введена самая строжайшая

цензура, количество журналов и вообще печати было доведено до минимума.

Писать что бы то ни было о политике, не говоря уже о критике правительства, было воспрещено. Под таким же строгим запретом был вопрос об освобождении крестьян; не разрешалось даже употреблять в печати самое выражение—крепостное право, вместо него предлагалось употреблять другое—обязательная рента.

Крепостное право при Николае I пользовалось такой же поддержкой, как и при его предшественниках. Давались всякие поблажки дворянству, и всякая попытка оппозиции итти против установленного порядка сейчас же свирепо подавлялась.

В обществе же движение против крепостного права росло. Росло потому, что налицо был развивающийся промышленный капитал, которому нужна была свободная наемная рабочая сила.

Только реакционная часть дворянства продолжала отстаивать свои старые привилегии; передовые же помещики сами начинали понимать, что крепостной труд слишком дорог и убыточен.

Николай I старался оттянуть освобождение крестьян, опасаясь, что всякая реформа общественных отношений может поколебать его собственное положение.

Он боялся всякого проявления общественной самодеятельности и потому ввел в России железную военно-палочную дисциплину, прикрытую снаружи лицемерно-патриотическими фразами. Стремясь про-

славиться гуманным императором, он не казнил преступников, но зато при нем было введено наказание палками, при чем „важные“ преступники получали до 12 тысяч палок и умирали, не выдержав и одной трети положенного числа ударов.

Всякое общественное движение, в особенности революционные выступления, хотя бы они происходили не в России, а за границей, Николай I ненавидел всеми фибрами своей души и считал „священной обязанностью самодержца“ искоренять их. Когда в 1830 г. вспыхнула революция во Франции, а оттуда перекинулась в Бельгию, он стал готовить войска для ее подавления, и только польское восстание помешало ему тогда осуществить расправу над бельгийскими революционерами. В 1849 г. русские полки, посланные им, задушили революцию и восстановили самодержавный „порядок“ в Венгрии.

Ужасным репрессиям он подверг польских повстанцев, боровшихся за освобождение Польши. Воспользовавшись неудавшейся польской революцией 1830—31 г., Николай I лишил Польшу и тех небольших подачек, которые ей даровал Александр I. Польша лишилась своей куцой автономии, была наводнена русскими войсками и стала управляться русской бюрократией, т. е. сравнялась с остальной Россией.

А в России царило официальное благополучие, процветало взяточничество, подавлялась каждая свободная мысль. Огромная армия чиновничества сидела больным наростом на народном организме, заботясь не о законном и разумном управлении,

а лишь о собственном благополучии, да о том, чтобы как-нибудь—„боже упаси“ —вести о беззакониях и непорядках не достигли высших инстанций и не обратили бы на себя внимание начальства.

Губернаторы неизбежно сообщали, что „во вверенных им губерниях все обстоит благополучно“.

Недалекого от природы Николая I это вполне удовлетворяло. Ему не было никакого дела до того, что действительно творится в тех или иных местах обширного государства российского, лишь бы все было тщательно прикрыто порядком и законностью.

Сам Николай I представлял собой яркий и законченный тип военного бюрократа.

Впрочем, все это не мешало правительству Николая всячески поощрять развитие общественного капитализма, в интересах которого была и внешняя политика Николая, и войны, которые он вел. Он не понимал, что развитие капитализма неизбежно подтачивает главную основу его самодержавия—крепостное право.

Тупому и ограниченному уму его соответствовала грубая фельдфебельская физиономия с глазами на выкате.

Эта узость и ограниченность его натуры проявлялась у него уже с раннего детства. Всех близко стоящих к нему людей он поражал своей исключительной грубостью и жестокостью. Способностей решительно никаких он не проявлял, учиться ничему не хотел и даже, будучи уже взрослым человеком, писал с грубейшими грамматическими ошибками.

Единственным его занятием как в детском, так и в зрелом возрасте было обучение военной службе, шагистике. Музыки этот человек терпеть не мог, но зато мог целыми часами услаждать свой слух барабанным боем. Его нелюбовь с детства к чтению, к литературе выразилась впоследствии в преследовании печатного слова, в стремлении совершенно уничтожить всякую литературу.

Одним из главных его качеств было лицемерие. Оно выражалось во всей его политике, в общественной деятельности. Он был страшно жесток, но любил, чтобы его считали справедливым и добрым и поэтому свою жестокость он прикрывал лицемерно-красивыми фразами.

Лицемером он был и в семейной жизни. На людях, в обществе он самым почтительным образом относился к своей „законной“ жене, разыгрывал сцены семейного счастья и т. п., а за глазами не давал прохода фрейлинам своей жены, набрасываясь на них со свойственной ему грубостью.

Таков был облик русского самодержца, у которого главным орудием управления была палка. И Николай „Палкин“ сделал свое царствование настолько тяжелым и невыносимым, что под конец от него отвернулись даже те, кто кормился при помощи его палки.

Военная мощь России, построенная на народном рабстве, на нищете масс, казнокрадстве чиновников и бесправии общества, оказалась, разумеется, весьма непрочной.

Она еще давала возможность одерживать победы над слабым противником, но когда против нее и на защиту Турции выступили европейские державы— Франция и Англия, сразу же обнаружились все отрицательные стороны николаевской палочной системы управления.

Эта война, известная под названием Крымской кампании, вскрыла всю гнилость николаевского режима и преступность правительства, заставила даже часть имущих классов желать поражения в войне, чтобы иметь возможность, благодаря военным неудачам, заставить правительство произвести необходимые реформы.

Язвы николаевской системы, вскрытые войной, были так вопиющи, так били в глаза, что не выдержали даже те, для кого этот строй являлся олицетворением силы и могущества.

Не выдержал и сам Николай I. Неудачная война, помимо сильного поражения, заставила, наконец, и его понять, насколько безжизненны оказались те формы, в которые он стремился втиснуть жизнь русского народа.

Он увидел, что все проделанное им за 31 год царствования на поверке принесло совершенно обратные результаты, и будучи не в состоянии примириться с неизбежностью крушения заведенного им порядка, Николай I покончил жизнь самоубийством, приняв яд.

Его смерть последовала 18 февраля 1855 г. Официальные сообщения объясняли смерть простудой.

IX. Александр II

Сын Николая I Александр II, прозванный „царем освободителем“ ознаменовал свое царствование рядом довольно важных реформ, которые принято называть „великими“.

Положение России к моменту вступления его на престол было крайне тяжелым. Народное хозяйство не могло развиваться под мертвящей опекой чиновников; крестьянство задыхалось в цепях крепостного права; отмены его настоятельно требовал и продолжавший развиваться в стране промышленный капитализм, которому необходим был свободный рабочий рынок.

К концу царствования Николая I русский промышленный капитализм дошел до той последней степени развития, какая только возможна при крепостном праве. Дальше итти он при существовании крепостного права не мог.

Таким образом освободительная крестьянская реформа была исторически необходима в целях развития народного хозяйства. С другой стороны, положение крепостных было невыносимо тяжело. Помещики стремились выжимать из крестьян все соки.

В разных местах вспыхивали крестьянские бунты; сжигались помещичьи усадьбы, убивались помещики. Число таких волнений в последние годы царствования Николая I увеличивалось из года в год и грозило вылиться в конце концов в повторение пугачевского восстания. Все это также

указывало на насущную и неотложную необходимость проведения реформы.

Правительство прекрасно понимало, что если оно не произведет реформы „сверху“, то крестьяне сами освободят себя „снизу“.

Правда, как среди реакционно настроенного чиновничества, так и среди помещичьего класса продолжало оставаться еще не мало противников освобождения крестьян. Они стремились всячески запугивать правительство возможностью революционных бунтов со стороны освобожденного от помещичьей опеки крестьянства. В заслугу Александра II необходимо поэтому поставить, что он не убоялся этих запугиваний и проявил достаточно решительности, чтобы довести это дело до конца и подписать манифест об освобождении крестьян даже вопреки мнению большинства членов государственного совета. Но, проявив решительность в осуществлении самой реформы, Александр II так сильно считался с тем, чтобы возместить дворянству ущерб, наносимый отменой крепостного права, так охотно шел навстречу защите помещичьих интересов, что экономическое положение крестьянства от этой реформы не только не улучшилось, но местами даже ухудшилось, и во многих местах крестьяне вынуждены были отвечать на объявление о царской „милости“ серьезными волнениями, которые пришлось усмирять вооруженной силой.

Получив крошечные наделы, да еще за большой выкуп, крестьянство должно было арендовать

помещичьи же земли и, таким образом, принуждено было лезть опять в кабалу. Прежний оброк продолжал существовать в виде выкупных платежей, барщина—в виде арендной платы или отработочной аренды.

Такой же половинчатый характер имели и все остальные реформы, осуществленные Александром II.

В основу судебной реформы был положен прекрасный принцип привлечь само население в лице присяжных заседателей к делу суда, но, во-первых, далеко не все дела передавались на суд присяжных; наиболее важные из них, дела по политическим преступлениям — были изъяты, во-вторых, к участию в суде привлекалось далеко не все население.

Реформа местного управления (образование земств и городских самоуправлений) носило еще более ярко выраженный классовый характер; для участия в ведении местного хозяйства был установлен высокий имущественный ценз, а крестьянам была отведена в земстве очень скромная роль.

В деле народного просвещения главное внимание Александра II было обращено на нужды привилегированных классов: для них строились и разрешались университеты, гимназии и другие школы, учреждались приюты и интернаты, для широких же масс крестьянства и рабочего класса сам Александр II почти ничего не предпринял и только благодаря усилиям земства и городских самоуправлений для них стали учреждаться начальные школы.

Наконец, отмена николаевской цензуры, душившей свободную мысль, была также обставлена массой оговорок и ограничений.

И таковы в общем все реформы Александра II.

Приходится ли после этого удивляться, что эти реформы не могли удовлетворить не только широкие народные массы, но даже и более ограниченный круг русской разночинной интеллигенции?

Крестьянство и рабочий класс при Александре II не успели проникнуться ясным сознанием необходимости добиваться дальнейших реформ революционной борьбой; оно лишь глухо волновалось, да порой вступало в разрозненную борьбу с представителями власти и своими непосредственными притеснителями.

Революционно же настроенная интеллигенция не побоялась вступить в открытый бой с царизмом, и эта борьба закончилась смертью Александра II от руки революционера.

Александр II, как личность, не представляет особого интереса. Вечно колеблющийся, нерешительный, слабовольный, он еще с детства не проявил никаких особенных способностей. К нему в качестве педагога и руководителя был приставлен русский поэт Жуковский, но даже и этот по тогдашнему времени весьма образованный человек не мог ничему научить своего питомца и отзывался о своем ученике не очень-то лестно, называя его „бараном“. Таким в сущности ограниченным и недалеким человеком Александр II и оставался до конца своей

жизни. К ограниченности и безволию присоединялась еще жестокость, а впоследствии прибавилась и запуганность.

А бояться ему действительно было чего.

На него был произведен целый ряд покушений, и он поэтому был постоянно в смертельном страхе за свою жизнь. Он готов был поступиться чем угодно, даже самой монархией, лишь бы только оградить себя от опасности.

Как выяснилось уже после его смерти, он действительно собирался опубликовать манифест о привлечении народных представителей, но эта предполагавшаяся реформа была еще более половинчатой и неспособной кого-либо удовлетворить, чем все предыдущие его реформы.

С другой стороны страх заставлял его бороться с революционерами, прибегать к самым репрессивным мерам, к целой организации охраны и сыска и т. д. Но покушения продолжались одно за другим.

Александру II в общем везло; выстрел Каракозова не достиг цели, и придворная камарилья разыграла целую драму с чудесным спасением царя.

Какой-то портной Комиссаров был выставлен в роли „спасителя"; решили, что именно он подтолкнул руку Каракозова и таким образом помешал убийству. Несчастный Комиссаров, на которого посыпался целый дождь почестей, титулов и других милостей, не выдержал стольких треволнений; с горя запил, а затем повесился в дарованном ему имении.

Во время следующего покушения Соловьева царю удалось убежать. Так как он „бежал зигзагами“ и даже „стал на четвереньки“, пули и на этот раз пощадили его. Тогда революционеры решили пустить в дело динамит. Революционер рабочий Степан Халтурин устроил в 1880 г. взрыв в столовой самого Зимнего дворца, но и на этот раз счастливый случай спас Александра II от смерти.

Революционеры учились на этих неудачах, и в 1881 г. дело подготовилось уже куда серьезней. Подготовка проводилась так, что Александру трудно было избежать смерти.

В день 1 марта 1881 года Александр, как всегда, выехал из Зимнего дворца. В последнюю минуту он изменил маршрут: поехал не по Садовой ул., как обыкновенно, а свернул на набережную Екатерининского канала. Но и там его ждали. Член исполнительного комитета „Народной Воли“ — Софья Перовская подала условный знак платком, последовал страшный взрыв, бомба разорвалась под самой каретой царя. Когда же оказалось, что государь остался невредим и выскочил из кареты, тогда ему под ноги была брошена вторая бомба.

Это было первое убийство царя волей народа. Правительство переживало ужасную панику, ждало открытого восстания и в убийстве царя видело сигнал к нему.

Это был первый удар по династии Романовых.

Но народные массы не поддержали героической борьбы народовольцев. Наследник царя и его

помощники успели опомниться от испуга, и на Руси на долгие годы воцарилась свирепая реакция Александра III.

X. Последние Романовы

В овчинном тулупе на улице
дворник
Сидит у закрытых ворот;
И снится ему, что при сей
обороне
Нелепый, но грозный на вид;
Такой же, как он, на наследственном троне
Безграмотный дворник сидит.

(Из революц. стихотворения)

После убийства Александра II на престол вступил его сын Александр III.

Его царствование совпало с сильнейшим ростом промышленного капитализма в России. Росли города, строились железные дороги, непрерывно увеличивалось количество фабрик и заводов, развивалась торговля как внутренняя, так и внешняя. Но несмотря на оживление торговли и промышленности, несмотря на развитие общественных сил, царствование Александра III было временем злейшей реакции.

Едва вступив на престол, Александр III поспешил отменить тот указ своего отца, которым он хотел призвать выборных для участия в совещательной работе. Ближайшим советником его стал крайний реакционер Победоносцев. Общественное

движение было задушено: весь цвет революционных организаций, благодаря широко организованному департаментом полиции предательству и провокации, погиб на виселице, или же на долгие годы был заточен в казематах Шлиссельбурга и Петропавловской крепости, вспышки рабочих забастовок подавлялись со страшной жестокостью при помощи войск и полиции. Тюрьмы были переполнены, рабочие тысячами подвергались высылкам за одно участие в стачках. Правительство работало.

Реакция коснулась и реформ прошлого царствования. Законы о земских учреждениях и городском самоуправлении были пересмотрены, права этих учреждений сильно ограничены, а власть губернаторов сделалась почти безответственной.

Избирательный ценз был еще более увеличен, и теперь в земства допускались только крупные местные дворяне; были введены земские начальники, т. е. помещики, призванные творить суд и расправу над крестьянством и воскресившие в своей работе картины былого крепостничества.

Городские думы заполнились купечеством и крупным чиновничеством.

Судебная реформа Александра II также была сильно урезана. Судьи были лишены независимости, они превратились в обыкновенных чиновников, с которыми начальство могло делать все, что хотело, и которым оно могло предписывать, как решать дела. Многие дела стали рассматриваться без участия присяжных при закрытых дверях.

Разделение сословий было усилено и во всем отдавалось предпочтение дворянству. Организованный при Александре III Дворянский банк давал ссуды дворянам на самых льготных условиях. Во многие учебные заведения стали приниматься только дворяне. В гимназии прием низших сословий был стеснен, строгости и наказания были усилены. В циркулярах министерства народного просвещения прямо указывалось, что двери средней школы должны быть закрыты для „кухаркиных детей".

Уничтожено было университетское самоуправление, в несколько раз повысилась плата за обучение. Земские и городские школы были отданы под надзор чиновничества; усиленно стали насаждаться церковно-приходские школы для народа, в которых главное внимание обращалось не на обучение грамоте, а на „религиозно-нравственное" воспитание.

Вообще за все время своего царствования Александр опирался исключительно на дворянство и чиновничество. Все более ответственные должности в министерствах занимались дворянами. Александр III шел на многие поблажки дворянству, заботясь в то же время и о том, чтобы лишить все остальное общество самодеятельности, задержать общественное развитие, а если можно, то и двинуть его назад. Он пустил в ход все силы реакции, наводнил Россию жандармерией и полицией.

Кроме дворянства, все общественные классы не смели поднять голос. Крестьянство изнывало под двойным игом: дворянской опеки и кулачества;

теснота и малоземелье делали невозможным его существование, неурожай в той или иной местности превращался в страшное бедствие. А правительство всеми средствами заботилось о сохранении земли за помещиками, на крестьянские выступления отвечало жестокими репрессиями, стремилось задавить всякую попытку к протесту.

Внешний облик этого царя является прямым олицетворением того государственного порядка, который он ввел в России. Стоит только взглянуть на его памятник, поставленный на Знаменской площади в Петербурге, как сразу становится понятно, какой смысл вложил в него искусный скульптор.

Это громадная тяжеловесная фигура с громадным, застывшим, ничего не выражающим лицом; она как будто вросла в стремена массивной, сильной лошади, уперлась в нее и тащит назад. Тащит Россию по пути мертвой глухой реакции.

Александр III с раннего детства не взлюбил науку, мало читал, писал совершенно безграмотно. Это проявлялось у него в течение всей его жизни. Будучи сам неучем, он терпеть не мог науки, и народное образование было, по его мнению, излишним переводом денег. Будучи уже русским императором, читая однажды „верноподданнейший“ доклад тобольского губернатора, где тот с прискорбием сообщал, что среди населения вверенной ему губернии слабо распространена грамотность, Александр собственноручно написал: „и слава богу“.

Таким образом, с наукой дело обстояло очень

скверно, не лучше было и с другими отраслями человеческого знания.

Природа наградила Александра III лишь единственным качеством. Это было своеобразное музыкальное дарование. Он, как и Николай I, совершенно не выносил обыкновенной музыки, но зато с величайшим искусством играл на тромбоне и часто с большим воодушевлением угощал свою семью шумом и треском этого инструмента. Другим обычным его развлечением было неумеренное употребление алкоголя. Физически сильный от природы он до поры до времени мог безнаказанно злоупотреблять пьянством, но в конце-концов оно свело его в могилу.

От отца своего Александр III унаследовал, главное его качество: пугливость.

Он всю жизнь свою боялся революции, заговоров и т. п. Смерть отца стояла у него перед глазами, и себе он мог ждать такой же точно смерти. Петербург, как место убийства своего отца, он ненавидел и жил в Гатчине во дворце, все время под усиленной охраной. Ведя самую скучную и однообразную жизнь, он как бы подверг себя добровольному заключению.

И даже больше. Первое время он совершенно никуда не выходил—так силен был испуг, все время безвыходно оставался в задних комнатах гатчинского дворца.

Впоследствии испуг понемногу стал проходить.

Но достаточно было произнести при нем слово „бомба“ или ему самому вспомнить о ней, как

сейчас же это приводило его в невменяемое состояние.

Он боялся всего. Боялся военных заговоров, и по этому случаю гвардию всегда держал вдали от дворца. Во время его проездов по городу на улицах закрывалось всякое движение.

Передвижение по железной дороге сопровождалось охраной целой массы солдат вдоль всей железнодорожной линии.

В своем гатчинском дворцовом парке он боялся каждого незнакомого ему человека, а в знакомых подозревал изменников и предателей, злоумышляющих против него. Он совершенно не показывался на парадах, смотрах, балах и т. п. из боязни быть убитым.

Вот каков был облик предпоследнего русского монарха и его образ жизни.

Он уже предугадывал скорый конец ненавистного народу абсолютизма, но, предчувствуя это, он все же упирался со всей своей бычачьей силой и пробовал тащить Россию назад. Его ограниченный ум был бессилен понять всю тщетность борьбы с законами исторического развития. К этому развитию общественных сил он питал лишь злобу и бессильный ужас. И он метался в своем дворце и старался в вине топить свою слепую злобу до самой смерти.

Злоупотребление спиртными напитками преждевременно разрушило его железный организм, и Александр III умер в октябре 1894 года от хронического воспаления почек на почве алкоголизма.

Перед смертью он завещал своему сыну: в государственных делах во всем слушаться Победоносцева.

Николай II последовал завету отца: Победоносцев и при нем был очень долго главным советником и способствовал делу реакции.

В виде речи при вступлении на престол Николай II прочел по бумажке основные тезисы Победоносцевской политики. Обращаясь к представителям Тверского земства, он заявил, что будет так же оберегать монархию, как это делал его отец, а „бессмысленных мечтаний“ не допустит.

И действительно, первые годы своего царствования он вел такую же политику, как и Александр III. Тверское земство за свой дерзкий адрес поплатилось полным разгромом. Само вступление Николая II на родительский престол ознаменовалось ужасной трагедией: по нераспорядительности властей во время коронации в Москве на Ходынском поле было задавлено несколько тысяч народа, пришедшего за царскими подарками. Даже привычных ко всему бюрократов потрясло это событие. Николай же II, не желая нарушать церемониала празднества, как ни в чем не бывало продолжал плясать на балу. В начале XX столетия положение в стране было очень тяжелое. В промышленности, до сих пор почти непрерывно развивавшейся, наступил сильный кризис, сопровождавшийся крахом значительной части промышленных предприятий и сокращением производства.

Положение рабочих в связи с кризисом было очень тяжелое, масса из них лишилась работы, заработная плата упала, эксплоатация усилилась. Рабочий класс, успевший сильно вырасти за предыдущие десятилетия политически, волновался, отвечая забастовками, противоправительственными демонстрациями и выступлениями.

Положение крестьянства со времени Александра III не улучшилось, а наоборот стало еще хуже. Правительство не разрешало обществу притти на помощь крестьянству даже в голодные годы. Не проявляло оно и само никаких забот об улучшении участи крестьянской массы. Организованный же им „крестьянский банк" имел целью вовсе не содействие крестьянству, а заботу о том, чтобы повысить цену на распродаваемую дворянами землю.

Таково было положение страны в начале XX века, когда довольно неожиданно началась злосчастная война с Японией. Война эта никому не была нужна, никто в ней не был заинтересован, кроме лишь придворной клики, рассчитывавшей нажиться на японский счет. С другой стороны, предполагалось войной вызвать в стране национальный подъем и таким образом укрепить нетвердое положение династии. Но все эти расчеты совершенно не оправдались.

Во-первых, не удалось создать в народе патриотическое настроение, так как война была слишком уж нелепа и непонятна народу, а, во-вторых, вместо ожидаемой победы, русская армия терпела

поражение за поражением, пока, наконец, не была совершенно разбита, а флот русский частью был потоплен, частью же попал в руки японцев.

Поэтому война вместо ожидаемого благополучия привела к революции 1905 г., в которой застрельщиком был рабочий класс, но приняли участие буквально все слои и классы государства. В этой революции русскому царизму пришлось выдержать ряд невиданных дотоле атак.

Николай II пытался вначале затопить в крови выступление петербургского пролетариата—9 января 1905 г., но на расстрел петербургских рабочих дружно ответила революционной борьбой вся Россия.

Вынужденный к уступкам, он, наконец, согласился „даровать“ народу законосовещательную думу, но народ ответил на эту милость царя невиданной еще во всем мире всеобщей октябрьской забастовкой, остановившей все железные дороги по всей стране и всю жизнь во всех крупных городах и промышленных центрах.

Царизм трещал по всем швам и наверное рассыпался бы совсем, если бы не предательство буржуазии, которая, не чувствуя под собой твердой почвы и боясь за собственное положение, кинулась на выручку правительству.

Все же из революции 1905 года русский царизм вышел сильно потрепанный и с изъянцем.

Николаю II все же пришлось нарушить заветы отца и поступиться самодержавием — т. е. дать

народу возможность, через свой выборный орган— Государственную Думу, оказывать давление на царское правительство.

Но эта была вынужденная уступка царя народу. Уже в самом манифесте 17-го октября, в котором были объявлены начала конституции, чувствовалось, что правительство не намерено проводить его всерьез.

Ближайшие же месяцы подтвердили эти предчувствия в высшей мере. Оправившись от поражения и испуга, правительство Николая II поспешило залить всю страну кровью черносотенных погромов и карательных экспедиций. Десятками тысяч смертей отплатило оно за свою вынужденную уступку в октябре и создало для венценосного самодержца ореол кровавого палача для своего народа.

Первые две думы по своему составу были весьма революционны, но правительство Николая II, опираясь на силу штыков, их разогнало. И лишь при наступлении послереволюционной реакции царю удалось изменить избирательный закон и собрать такую думу, которая состояла почти сплошь из представителей дворян и крупной буржуазии, не мешавших правительству и всей придворной клике бороться с революцией и обделывать свои темные дела.

Революция 1905 г. так ничему и не научила последнего Романова, а наступившая после нее реакция даже окрылила его надеждами как-нибудь

совершенно покончить с народным представительством и восстановить в полной силе былое самодержавие династии.

Ограниченный вообще от природы, привыкший проводить время в попойках и кутежах, Николай II был абсолютно неспособен воспринимать значение общественных явлений страны, во главе которой его поставила судьба.

К этой ограниченности прибавилась еще и некоторая психическая ненормальность, которая стала развиваться в нем после раны, полученной им во время путешествия по Японии перед восшествием на престол. Когда он, еще будучи наследником, отправился в Японию, чтобы развлечься от одного из своих ранних увлечений, его ударил саблей по голове один из японских полицейских. Рана зажила, но черепная кость стала на этом месте разрастаться, оказывая влияние наработу мозга. В условиях же бесшабашной армейской и придворной жизни, с постоянными кутежами, психическая ненормальность получила благоприятную почву для дальнейшего развития.

Наученный смолоду только одному: искусству часто и много пить, Николай II уже к моменту занятия им российского престола представляет собой очень невзрачную фигуру; достаточно только взглянуть на неисправленный кистью художника, или искусного ретушера его портрет: на вас смотрит обрюзгшее, испитое лицо, с растерянным взглядом и явными чертами вырождения.

За всю свою жизнь этот человек не сказал буквально ни одного умного слова: речи для него составлялись министрами или приближенными, и он их читал по бумажке. Им же самим произнесенные речи были просто позорными.

Когда в 1906 году был выпущен сборник всех его речей, то цензура конфисковала его. Эти речи прямо выставляли царя на посмешище. Мало того, что они глупы, но там буквально через каждые два слова стоит: „пью за ваше здоровье". Удивительно характерные слова для Николая II.

Любимыми занятиями во дворце были либо попойки, в которых главную роль исполнял сам царь, либо спиритические и окультические сеансы, где страшно суеверные и извращенно-религиозные муж и жена Романовы, вкупе с придворными, занимались верчением столов, вызыванием духов и т. п.

В семейной жизни Николая II очень огорчало то обстоятельство, что он никак не мог получить от своей жены наследника. Как на зло, родились только одни дочки. Врачей звать даже не пытались, а после неуспеха советов с духами и молитв Иоанна Кронштадтского добыли сперва какого-то „Митьку"—юродивого, который не умел даже говорить, а только выл на разные лады. Когда же не помог и юродивый, выписали из Франции какого-то Филиппа, за которым водились уголовные дела, но, который тем не менее слыл за чудотворца.

Филипп воздействовал на Александру внушением и, наконец, заявил, что царица беременна и что

родится непременно мальчик. Николай страшно обрадовался, наградил Филиппа деньгами, генеральским чином, но, несмотря на явные признаки беременности, тогда никто не родился.

Вот какова была обстановка, в которой жил последний „самодержец“ России.

Вырождавшийся, слабоумный, спившийся человек, с ханжествующей женой,—они окружили себя кликушами, юродивыми; религиозность их превращалась в хлыстовство, в спиритизм.

Наряду с этим последний русский царь отличался удивительным бессердечием.

Трудно подобрать слова для характеристики того нравственного падения, к которому неумолимо влекла история последнего представителя изжившего себя самодержавия, смутно сознававшего, быть может, всю бессмысленность своего паразитического существования, но продолжавшего судорожно цепляться за подножие царского трона, разрушаемого ходом общественного развития.

Отсюда эта нелепая вера в юродивых, надежда на какое-то чудо. Отсюда же вытекало и то, что в последние годы царствования Николаю II никак не удавалось подыскать сколько-нибудь толковых слуг и выполнителей его воли, ибо все, кто не был лишен рассудка, не подходили для роли спасителей умиравшего самодержавия, и за эту миссию брались лишь либо заведомые проходимцы, либо такие же политические недоросли, каким был и сам Николай II.

Юродивыми и мосье Филиппом дело однако не ограничилось.

Последним номером программы был Распутин.

Расстриженный монах, конокрад, совершенно темный, необразованный человек, он вдруг получил колоссальное влияние на Николая и его жену. Его считали „святым“ чуть ли не пророком, а он, используя свое положение и обстоятельства, командовал сначала в семье Николая II, а потом и во всем государстве.

Он назначал и сменял министров, те перед ним лебезили, старались обратить на себя его внимание, зная, что от этого человека зависит их карьера, что не Николай Романов царствует на русском престоле, а „расстрига“ Гришка Распутин.

И Распутин до 1916 года управлял русским государством; министры ему подчинялись, а их жены жаждали стать его наложницами.

Какое значение имел этот проходимец для женской половины дома Романовых, видно из его письма к своему другу, также расстриженному монаху Варраве, которого он произвел в епископы:

„Милой, дорогой, приехать не могу, плачут мои дуры, не пущают“.

Что можно добавить к этому характерному документу?

В 1916 году Распутина убили. Он погиб от руки придворной знати, которой надоело, наконец, зависеть от этого грязного, грубого и вечно пьяного царского наставника.

В 1914 году Россия была вовлечена в общеевропейскую империалистическую войну.

Неумелое ведение войны, воровство и предательство в высших кругах правящего класса, расстройство внутреннего рынка и транспорта, общая усталость и нежелание солдат воевать привели страну к революции 1917 года.

Тщетно представители буржуазии в Государственной Думе, предчувствуя приближение краха, умоляли Николая II поделить с ними власть и тем спасти свою собственную.

Осужденный на гибель последний представитель династии Романовых ничего не хотел ни видеть, ни слышать. Отстраняя все подобные советы, он, как обреченный на смерть, неумолимо приближался к пропасти.

Страна начинала метаться в судорогах дезорганизации транспорта и недостатка снабжения предметами первой необходимости, а Николай II, в это время мнивший себя гениальным полководцем и великолепным кормчим всей России и забавлявшийся чехардой с министерскими портфелями, проглядел такой пустяк, как голод в столице, вызвавший революцию.

Революция вспыхнула в столице в последних числах февраля. Правительство пробовало подавить ее войсками, но солдаты перешли на сторону восставших рабочих, и судьба царского правительства была окончательно решена.

„Верноподданная" 4-я Госуд. Дума пыталась спасти династию...

Председатель думы, крупный помещик Родзянко, испуганный революцией до последней степени, пытался убедить царя пойти на некоторые уступки—составить новое правительство.

Об этом говорят телеграммы, посланные им царю в ставку:

„Положение серьезное,—писал Родзянко накануне революционных событий,—в столице—анархия, правительство парализовано. Транспорт, продовольствие и топливо пришли в полное расстройство. Растет общее недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба.... необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство... медлить нельзя. Всякое промедление смерти подобно. Молю бога, чтобы в этот час ответственность не пала на венценосца“.

Вторая телеграмма была отправлена утром 27 февраля:

„Положение ухудшается. Надо принять немедленно меры, ибо завтра будет уже поздно. Настал последний час, когда решается судьба родины и династии“.

Но судьба „родины и династии“ была уже решена.

Когда Родзянко телеграфировал царю, что „положение ухудшается“, на улицах столицы происходило братание солдат с рабочими.

Это объединение двух главных сил сделало революцию совершившейся и непобедимой.

Монархия перестала существовать, а на ее место встало временное правительство.

Николая II восставший и победивший народ принудил отречься от престола и подверг аресту.

Последовавшие за всем этим революционные события осенью 1917 года и, наконец, октябрьская революция, окончательно решили и закрепили судьбу не только династии, но и самого развенчанного самодержца. Царская семья была выслана в Сибирь, оттуда переведена на Урал и там расстреляна по постановлению Уральского Областного Совета в ночь с 16 на 17 июля 1918 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кооперативное Издательство „ПРОЛЕТАРИЙ“

БИБЛИОТЕЧКА РАБОЧЕГО

№№ по порядку	АВТОР	НАИМЕНОВАНИЕ КНИГИ
1	**Панов**	Земля и небо
2	**Боссе**	Человек-завод
3	„	Как творится жизнь
4	„	Тело—хозяин души
5	**Баскин**	Что такое философия
6	**Волжанин**	Что такое исторический материализм
7	„	Чему учит политэкономия
8	**Макс**	Сущность империализма
9	**Ельницкий**	От эпохи первобытного человека до капитализма
10	**Рожицын**	Как буржуазия пришла к власти
11	**Арк. А-н**	Рабочее движение на Западе
12	**Ельницкий**	Династия Романовых и ее роль в истории России
13	**Цинцадзе**	Революционвое движение в России от Разина до наших дней
14	„	Государственное и экономическое строительство Советского Союза
15	**Горев**	Маркс и Ленин
16	**Левидов**	Главнейшие государства мира
17	**Гимельфарб**	Великие писатели Запада
18	**Кубиков**	Великие писатели России

Цена 15 коп.

